

Сергей Гусенков

БЕРЁЗА СЕРЕБРИСТАЯ

12+

Сергей Гусенков
Берёза серебристая

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Гусенков С.

Берёза серебристая / С. Гусенков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга – о простых людях, работающих в непростых условиях в середине прошлого века. Каждая глава – это законченный рассказ о каком-то событии, а объединяет их место действия – Купанское торфопредприятие. Речь пойдет о героических буднях торфодобытчиков, которые в тяжелейших условиях работали на благо Родины, об их проблемах и радостях, удачах и поражениях, взлётах и падениях. Мои герои покажут читателям, как нужно жить в гармонии с природой и учиться у неё стойкости и мужеству.

ЕГО СЕРДЕЧНАЯ ЗОРКОСТЬ

В Ярославском районе нашей области в посёлке Ярославка живёт удивительный человек, человек-творец, человек-художник С.В.Гусенков.

Скажу честно, с некоторой опаской брал в руки книгу Сергея Васильевича «Берёза серебристая». По словам автора – это первый литературный опыт, а коли так, то можно ожидать всяких стилевых и сюжетных огрехов. И уже готовился к тому, чтобы в наиболее мягкой форме указать на эти неизбежные для начинающего литератора недочёты, но с первых же страниц повествования все мои опасения рассыпались в прах. Более того, читал книгу с нарастающим интересом, захваченный её чистой, тёплой, сердечной атмосферой, ароматом простоты и участия.

С первых страниц стало понятно, что перо в руках автора – не чужеродный предмет: слог ясный, построение фразы чёткое, уверенное, стиль без устремлений на псевдокрасивость, язык простой, понятный, без модернистских выкрутасов, сочный и образный. Верись всему, что говорит литератор, ясно видишь то, о чём он с душевной щедростью хочет поделиться с тобой. Особенно хороши его зарисовки о природе – перед глазами встают памятные с детства пейзажи, где «искрящееся солнце в высоких крепких сугробах», где «прозрачные, изящно прорисованные чьей-то талантливой рукой, берёзы» и т.д. Примеры можно приводить бесконечно. И должен сказать следующее: так изъясняться может только человек с чутким любящим сердцем, с пристальным взглядом на жизнь, то есть поэт. Не зря Экзюпери в «Маленьком принце» говорит: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Философская окраска некоторых моментов, размышления «о бренности бытия» ничуть не мешают прочтению, не отягощают структуру книги, наоборот, органично вписываются в ткань повествования и лишь украшают произведение, делают его основательнее и глубже. Судите сами: «Слово Божие – истина. Но как же часто мы в своей повседневной суете забываем заповеди Божьи. А потом, опомнившись, ропщем на судьбу, обстоятельства, начальство. Лишь в своём выборе нужно искать причины наших испытаний и неудач».

Сочетание простосердечия с умудрённостью – ещё одно уникальное качество автора. В этой книге много звуков, запахов и цветов. Много солнца, тепла, света, хотя встречается и непогода. Вместе с тем, то и дело пробивается какая-то радость существования, нежность ко всему земному и иногда, очень к месту, обаятельная ирония.

Некоторые произведения в книге выполнены в жанре «рассказ-очерк», что даёт возможность ещё больше прочувствовать тонкую грань между героем произведения и его родиной. Следует добавить, что Сергей Гусенков – один из немногих литераторов, кто с такой увлечённостью и знанием пишет о природе и животном мире. Это настоящая, глубокая, многослойная проза, при этом не входящая в противоречие с жанровой ясностью и несомненной увлекательностью.

Перед нами крепко сколоченные, сюжетные тексты, обаятельно ироничные и вместе с тем проникновенно сердечные. Ни в коем случае не сентиментальные, без всякого надрыва и какой бы то ни было позы и самолюбования. Скорее даже по-мужски жёсткие, не лишённые, однако, теплоты и сострадания. Автор уважает своего читателя, понимая, что проза должна быть, прежде всего, написана и интересна. То есть необходим сюжет, необходима композиция, а не расхлябанная, ни к чему не ведущая саморефлексия. Так вот, Гусенков прекрасный рассказчик, умный, тонкий и ненавязчивый. Немаловажно заметить и то, что рассказы в этой книге пронизаны христианским мироощущением.

«Берёзу серебристую» не отнесёшь к жанру массовой литературы. Авторскому стилю присуща особая чистота и выверенность, желание изъясняться на русском языке. И самое главное: в каждой фразе, в каждой сюжетной мысли чувствуется огромная любовь к России, к её истории, вера в её высокое предназначение.

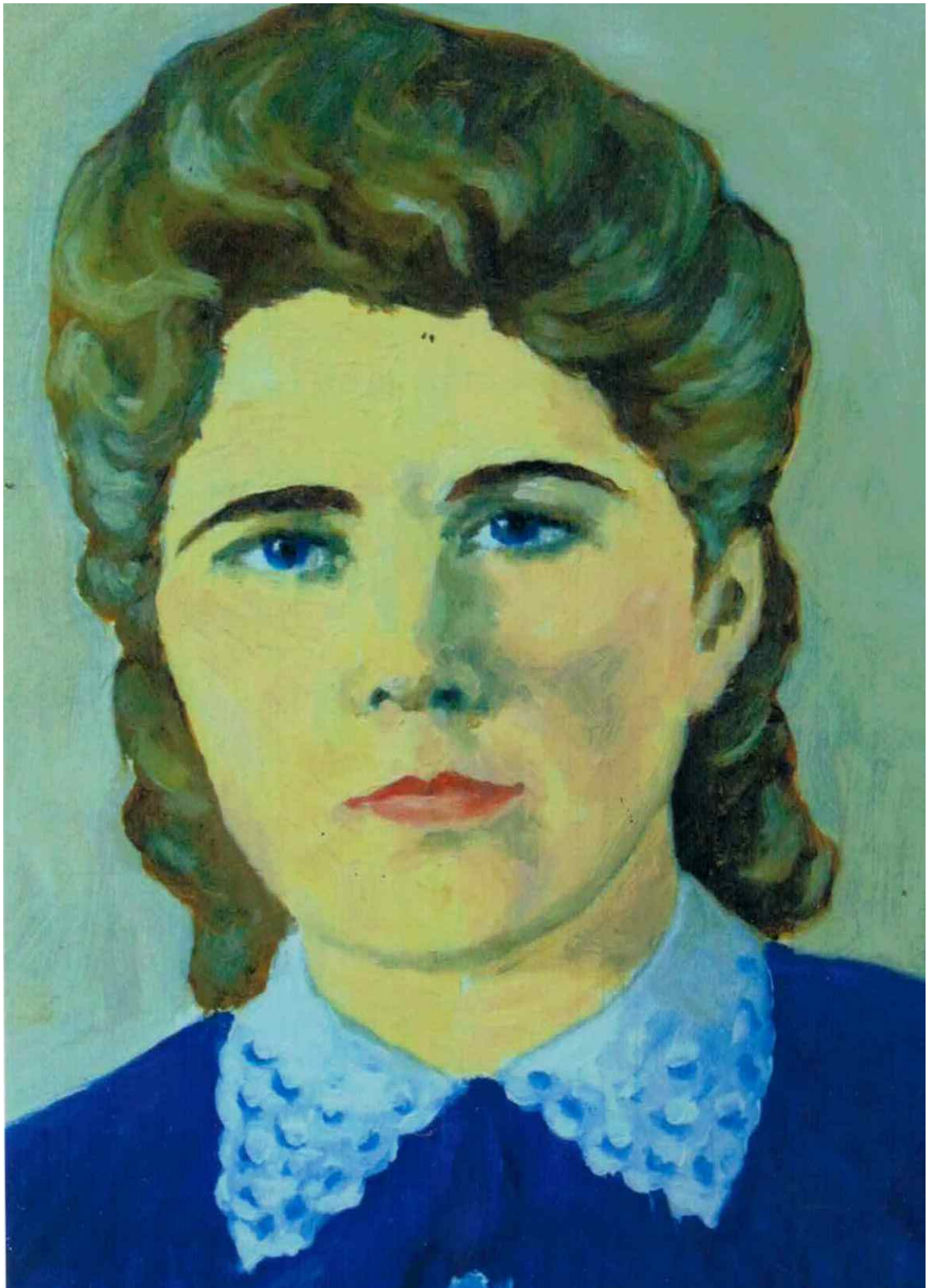
Сергей Гусенков, несомненно, комфортно чувствует себя в роли писателя-ирониста, обладающего смешливым и жизнерадостным пером. У него своя, узнаваемая интонация, одинаково тонко улавливающая и комические, и трагические вибрации бытия. В их уникальном сращении и кроется её своеобразие. Он оптимист. Но его оптимизм произрастает явно не из наивной веры в справедливое устройство жизни, а из понимания того факта, что силы на преодоление всех горестей существования можно черпать только в любви. А любовью его герои явно не обделены. И уж точно нельзя назвать прозу Гусенкова скучной или вялой. Она стремительна и упруга, вспылчива и обаятельна. Собственно, Сергей Васильевич наследует и продолжает традиции подлинной русской литературы, развивает темы, ей свойственные – отзывчивость, милосердие, сострадание, борьба за человеческое достоинство.

Я, откровенно говоря, не сразу оценил всю глубину и основательность представленных в книге текстов. Потребовалось некоторое время, чтобы подумать, поразмышлять. Причиной как раз и была эта его кажущаяся простота, лёгкость и доступность. Простота, но не простоватость, лёгкость, но не легковесность.

Такое впечатление, что книга написана на одном дыхании, как будто вдохновение и кураж (в хорошем, в творческом смысле этого слова) не покидали автора до самой последней страницы. Зная Сергея Васильевича, его взволнованность, его артистический характер и неуёмную энергию, можно предположить, что так оно и есть. А это дорогого стоит. Знаю многих собратьев по перу, из которых к пятидесяти годам словно воздух выпустили, писать стали вяло и нудно, будто из-под палки. Здесь другая картина – ёмкая, упругая проза, которую с полным правом можно назвать прозой поэта.

Книга, на мой взгляд, нужная, своевременная, душеполезная, обладающая врачующими свойствами, помогающими избавиться от равнодушия, безверия, тоски, печали и других хворей, разрушающих душу и тело.

Евгений ГУСЕВ, член Союза писателей России
*Матери моей, Зое Васильевне Седовой,
посвящаю...*

Эта книга – о простых людях, работающих в непростых условиях в середине прошлого века. Каждая глава – это законченный рассказ о каком-то событии, а объединяет их место действия – Купанское торфопредприятие.

Речь пойдет о героических буднях торфодобытчиков, которые в тяжелейших условиях работали на благо Родины, об их проблемах и радостях, удачах и поражениях, взлётах и паде-

ниях. Мои герои покажут читателям, как нужно жить в гармонии с природой и учиться у неё стойкости и мужеству.

Судьбы людей, их любовь и ненависть, растерянность перед обстоятельствами и поиски справедливости, вера и целеустремлённость, умение не опускать руки перед трудностями и добиваться поставленной цели – вот что вдохновило меня на написание этой книги.

Сергей Гусенков.

БЕРЁЗА СЕРЕБРИСТАЯ

*Берёза серебристая под окном стоит,
Веткою заснеженной по стеклу стучит.
И горят снежинки на её ветвях,
Приглашая в гости мимолетных птиц.*

Часть 1.

Запретная любовь.

Никого не оставляет равнодушным русский зимний пейзаж: трескучий мороз, искрящееся солнце в высоких крепких сугробах. И, конечно, прозрачные, изящно прорисованные чьей-то талантливой рукой, берёзы. Эти белоствольные красавицы, символ простоты и чистоты русской души, вдохновляли не одно поколение живописцев, поэтов, музыкантов.

Когда вспоминаю детство, то ясно вижу картину: два моих дядюшки ведут меня, шестилетнего пацана, в морозный солнечный день в соседнее село. А на горе перед нами – берёза в серебристом инее, вся светится, искрится. Аж дух захватывает от такой невероятной красоты и чистого детского восторга! Мои дяди, Саша и Юра – в военной форме, только что отслужившие срочную службу, полные энергии, сил, молодецкого озорства. Берут меня с двух сторон за руки и подкидывают, как на огромных качелях. И мир видится мною, ребёнком, таким сказочным, фантастическим и бесконечным, и, кажется, что сердце выпрыгнет из груди от счастья, выплескивающегося через край...

Как часто мы забываем, что счастье – это так просто: дорогой человек рядом, любимая работа, милые сердцу друзья, которые не предадут, помогут, поймут... Для чего рождается на этой грешной земле человек? Чтобы быть счастливым! И.С. Тургенев в свое время писал: «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать». Так устроено мироздание: всё познаётся в сравнении. По-настоящему знает цену свободы лишь тот, кого её лишали... Ценить счастье, дорожить им может лишь тот, кто долго к нему шёл, ведь счастье как вольная пташка: где захотела, там и села.

Моё детство до возраста шести лет неспешно и спокойно протекало в большом селе у моей бабушки. По соседству с нашим домом жила счастливая семья Михеевых. Почётным званием «счастливой» я наградил эту семью, конечно, исключительно по своим детским наивным представлениям. На тот момент мне казалось, что нет другой, более точной характеристики дому Михеевых. Хозяин работал шофёром на грузовике, в закрытом кузове которого была удивительным образом организована целая мастерская. Дядя Паша, так звали водителя, часто брал меня с собой в поездки по колхозным полям, где он в полевых условиях искусно ремонтировал сельхозтехнику.

Жена его, тётя Шура, – дородная женщина с красивой улыбкой и широченной косой, уложенной на голове «башенкой». Жили Михеевы зажиточно: большое хозяйство, полный двор живности, ухоженный огород. Зимой дядя Паша для всех жителей деревни валял сапоги из шерсти домашних овец. Словом, дом – полная чаша. Одно плохо: не дал Бог детей этой семье.

Однажды тётка Шура заболела и попала в районную больницу на целый месяц. Для мужчины болезнь супруги – калейдоскоп переживаний, настоящее испытание. В такие моменты

невыносимо скулит душа мужская, ищет сочувствия и поддержки... Дядя же Паша давно поглядывал на мою родную тётку Нюру: такая же дородная, покладистая, голосистая и добрая. Один изъян был у неё на лице – на левой стороне нижнее веко как бы вывернуто наизнанку. Но стоило только заговорить с этой женщиной, как любой собеседник невольно попадал в тёплый поток её доброго нрава, обаяния и душевного тепла. И внешний изъян тети Нюры как-то переставал обращать на себя внимание, словно рассеивался...

Тётка Нюша вечерами по обыкновению поливала свои стройные ухоженные грядки моркови и огурцов. В один из таких летних вечеров между редкими кольями Нюрино забора показалось напряженное лицо дяди Паши:

– Нюр, подойди-ка на минутку...

Тётка нерешительно оглянулась, торопливо бросила лейку в межу, и крадучись, словно вор, побежала к забору. Прижалась к толстым, кривым от старости, кольям, где страдающее лицо дяди Паши чудесным образом вдруг обрело надежду. Они недолго о чем-то шептались. И, неожиданно быстро, через задние огороды, через картофельное поле со всей своей страстью Нюша побежала, подобрав полы длинной юбки, напрямик в скупые объятия дяди Паши. Скрывшись во временно опустелом доме, долго оттуда не выходила. А когда, наконец, появилась, её нельзя было узнать: улыбалась как-то по-особенному таинственно. Волосы непослушно растрепались. Скромный платок предательски спустился с шеи на широкую Нюрину талию.

На протяжении всего месяца, пока болела жена дяди Паши, Нюша регулярно бегала к нему на краткие свидания, которые закончились беременностью моей тётки.

Вещий сон.

В тот день много работы было у дяди Паши. Пришёл домой уставшим очень поздно и, наскоро перекусив, уснул, как только голова коснулась подушки. Тревожной ночью приснился ему странный сон: идёт он босым по глубокому снегу, а над его головой вьётся стая воронов с человеческими лицами. Подходит дядя Паша к большой берёзе, а на ней во всём белом сидит женщина с распущенными волосами. Лица её не видно. Она пытается что-то сказать, а слов не слышно. Только горькие слёзы из глаз её капаят, звонко ударяясь обо что-то металлическое. А вокруг берёзы вьётся вороньё, то разлетаясь в разные стороны, то вновь собираясь в густую стаю. И вдруг ясно услышал дядя Паша пронзительный женский возглас: «Спаси меня, Паша! Погибаю я!»

В холодном поту проснулся дядя Паша и поутру, не раздумывая, поехал в районную больницу к жене своей, терзаясь в дороге от нехороших предчувствий. Потом долго уговаривал главврача, чтобы отпустили жену домой долечиваться. И только после заверения, что лекарства принимать и уколы делать тетка Шура будет вовремя, её выписали домой, взяв полагающуюся в таких случаях расписку. Наступила осень с проливными холодными дождями, пронзительными ветрами и неудержимым листопадом. Птицы потянулись на юг в тёплые страны, и только самые стойкие оставались в родных местах.

Таким ранним холодным утром тётя Шура открыла крышку подполья, чтобы набрать семь мешков картошки на продажу. Муж дома не ночевал, гостил у брата в городе, пообещав жене вернуться часам к десяти. Электричества в деревне не было, время-то послевоенное. Женщина привычно поставила керосиновую лампу «Молния» на крышку подполья, чтобы впустить чуточку света в тесное помещение... Случайно задев за платок, лампа, опрокинувшись, облила тётку Шуру керосином. По привычному ли русскому «авось», по трагическому ли стечению обстоятельств, но тяжелая крышка подполья не была закреплена петлями к полу. В одно мгновение она глухо хлопнулась над головой тётки. Несчастная женщина живым факелом металась по подполью, истошно крича и взывая о помощи. Случайно натолкнувшись на бочку с солеными огурцами, в отчаянии сунула голову в прохладный рассол, пытаясь сбить пламя. Но пропитанные керосином платок и кофточка продолжали гореть.

Как она выбралась из подпола, никто так никогда и не узнал. Но выскочив на террасу, тётка Шура метнулась к двери: хотела выбежать на улицу, где лежал только что выпавший первый снег. Огромный крюк на тяжелой двери избы не поддавался усилиям обезумевшей от боли женщины. Соседка же Шуры в это страшное время ожидала отёла коровы, и, услышав непонятный шум в доме Михеевых, всполошилась и подняла мужа. Они ворвались в избы, взломав ломом дверь. Только и могли что сделать: сбить пламя с женщины, бросив её страдающее тело на белый прозрачный снег.

Недолго пролежала тётя Шура в районной больнице, после нескольких тяжёлых операций она скончалась. На похороны собралась вся деревня. Казалось, даже природа оплакивала несчастную женщину. За день до похорон была оттепель. Ночью подморозило, и деревья покрылись ледяными сосульками. Когда прощались с Михеевой Александрой, тополя плакали холодными стаявшими слезами.

Гроб с телом покойной вынесли из дома и поставили у крыльца на две табуретки. На крыльцо вышел подвыпивший муж покойной босиком, в галифе и нательной рубахе. Он молча подошёл к гробу и истошно закричал:

– Не отдам никому!

Внезапным порывом бросился к гробу жены и в отчаянии стал поднимать покойницу, чем очень удивил и испугал своих односельчан. Мужики еле-еле оторвали его от тела усопшей и силой увели в дом.

Неделю дядя Паша пил, потом к весне, неожиданно для всех жителей деревни, продал дом и переехал в райцентр поближе к своей работе.

Такие разные судьбы.

Весна выдалась ранняя и солнечная. Высокое небо радовало своей голубизной, большие помятые сугробы, оседая, таяли на глазах. Проснувшиеся берёзы на пригорке набирались сил после зимней спячки и плакали на радость деревенской детворе. Через небольшие надрезы в стволе они набирали в бутылочки хрустальный берёзовый сок.

Весной тётя Нюша родила сына. Назвала Анатолием. Часто тихой грустью вспоминала она свою грешную и такую короткую историю любви к соседу Паше, который после смерти жены скоропостижно уехал жить в город, так и не попрощавшись с ней. В своей неразделённой, так и не растроченной женской любви, мучительно страдала по нему. Тосковала по своему не свершившемуся счастью и ждала его, ждала, даже когда дядя Паша не приехал посмотреть на своего новорожденного сына...

Семья Гусенковых, где тётя Нюша была старшей, рано осиротела. Отец умер в сорок два года от рака желудка, оставив девятерых детей на плечах потрясённой горем жены. Как старшая дочь, Нюра во всем помогала своей матери. Сказать, что семье Гусенковых тяжело приходилось – значит, ничего не сказать. Иногда казалось, что выдержать столько испытаний невозможно. Но дети подрастали, становились надёжными помощниками своей рано постаревшей матери. Жизнь Гусенковых постепенно налаживалась. И тут грянуло страшное известие: война... Первым на фронт взяли Сергея, который попал в артиллерию. Воевать долго ему не пришлось: через месяц ожесточенных боёв их полк был окружён, и дядя Сергей попал в плен. Долгих двадцать лет он считался без вести пропавшим.

Когда в 1949 году родился я, именно в память о героическом дяде меня и нарекли Сергеем. А через двадцать лет после войны неожиданно в нашу деревню пришло письмо из Западной Германии от пропавшего без вести и чудесным образом найденного дяди Серёжи. Его потрясенная мать долго плакала над странным конвертом. Обезумев от счастья, что-то бессвязно бормоча, бесконечно целовала драгоценное письмо, словно вновь прижимала к материнской груди своего сына. Дрожали от слёз строчки, ворвавшиеся внезапно в дом Гусенковых светлой надеждой. То письмо и фотографию ещё долго перечитывала и пересматривала вся

удивлённая событием деревня: на снимке был запечатлён дядя Сергей и его двое детей, мальчик и девочка. Но больше всего притягивали внимание людей, поражая мучительной глубиной глаза дяди: грустные, изподлобья, словно застывшие в молитве о пощаде и забытии. Одному Богу было известно, какие нечеловеческие муки и страдания пришлось пережить в концлагерях этому человеку.

Братья дяди Серёжи были намного младше его, поэтому на фронт не попали. У каждого из них сложились свои судьбы и свои семьи. Одно стало для них общим – профессия шофёра. Самый же младший из братьев, дядя Витя, потряс семью нелепостью и трагичностью своего жизненного пути. Во время службы в рядах советской армии в Грузии танкист Виктор получил серьёзную травму: на учениях его танк перевернулся в горах, и парень сильно ударился головой. Врачи признали сотрясение и ушиб мозга, после чего дядю комиссовали и отправили домой. Два месяца Витю лечили. После недолгой реабилитации он стал работать на тракторе в колхозе. Через год у дяди появились странности в поведении: после любого рукопожатия он тщательно и долго мыл руки, или ночью ему виделись змеи, выползающие из его груди... Его больное воображение пугало и его самого, и близких, которые часто просыпались от воплей ужаса несчастного человека. Так продолжалось с полгода до очередной выходки его плененного разума: оглоблей от саней выбил раму у соседей. Соседи оскорбления не снесли, считали, что молодой парень симулирует сумасшествие, чтобы не работать. Виктора как социально опасного больного поместили в психиатрический диспансер, где он находился до конца дней своих...

Перемена места жительства.

Ежегодно по осени в наш колхоз приезжали из города рабочие на уборку урожая: трудовых рук не хватало после войны. На жильё расквартировывали их по домам сельчан по двое-трое. К нам на временное поселение попали два москвича-водителя. Один из них, Володя, и стал моим отцом. Весельчак и балагур, был он болгарин. Когда узнал, что моя мать беременна от него, на следующий же день уехал в столицу, даже не попрощавшись с возлюбленной.

Позднее, через друга, который приезжал вместе с ним работать в колхоз, мать узнала, что в Москве у него семья – дочь и больная жена. Мать не стала его разыскивать, а уехала из колхоза на торфоразработки, куда всех желающих агитировали перебраться специальные уполномоченные-вербовщики. В то сложное время многие бежали из колхозов по разным причинам. Работать приходилось за «палочки» – трудодни, по которым осенью выдавали зерно, картофель и другие продукты. А если неурожай, то на что могли рассчитывать колхозники? Только на своё подсобное хозяйство.

По отъезду матери моей на заработки в поселок Талицы, меня, трёхлетнего мальчика, оставили в деревне на попечение бабушки и той самой тётки Нюши.

Поселок Талицы находился в том же районе, что и наша деревня. Сосновый бор, чистая речка, вытекающая из сказочного по своей красоте Плещеева озера, белые грибы и россыпи брусники, черники, голубики... Огромные залежи торфа. На его добычу, как основного топлива для районной ТЭЦ, приезжало в сезон тысячи рабочих со всей области и страны, даже из Мордовии и Татарстана. Была там, на торфодобыче, построена самая большая в области узкоколейка около 150 километров длиной.

В сезон с мая по октябрь Купанское торфопредприятие было похоже на муравейник. Население увеличивалось в восемь, а то и десять раз. Жили, в основном, в бараках, построенных после войны пленными немцами. На торфодобычу приезжали большей частью молодые, здоровые парни и девушки, которые создавали семьи, растили своих детей, обзаводились своим хозяйством. Не все молодые люди после окончания сезона оставались на торфодобыче, многие возвращались к своим родителям, в свои родовые гнёзда.

Меня в посёлок Талицы привезли осенью на старенькой «Победе», которая застряла в огромной луже перед въездом в посёлок. Этим и запомнился мой первый приезд, с этого дня и начиналась моя новая жизнь.

Судьбоносное спасение.

Самое первое моё впечатление от рабочего посёлка было восторженным: новые друзья, незнакомые места, вековые сосны и ели, а в центре посёлка – берёзовый парк с редкими лавочками, высокими качелями и старым репродуктором, который голосил во всю мощь, передавая последние известия, песни, музыку...

Работа в сезон торфодобычи была тяжёлой: в две смены с восхода до заката солнца. Не зря Петр I когда-то издал указ: «Кто на торфодобыче работает, того на каторгу не посылать». Вся степень тяжести такого каторжного труда мог понять лишь тот, кто работал после войны на торфоразработках.

Мы с пацанами бегали на торфяные поля, которые именовались «картами», и наблюдали за работой взрослых. Огромные машины шли по рельсам и ковшами-транспортёрами выбирали влажный торф, прессовали его в своей утробе, а затем ровным потоком выдавали на дощечках на гигантский конвейер. Десятки рабочих снимали с них эти брикеты и укладывали, как дрова, в поленницы на просушку. Сухие брикеты загружали в корзины, а дальше пересыпали в вагоны. Работницы по трапам, держа корзины с торфом на плече, поднимались на высоту двух с половиной метров, сбрасывали торф из корзины в вагон и прыгали вниз. И так за смену сотни раз. Вначале применялся такой метод добычи торфа, потом непосильный труд был частично механизирован, а впоследствии его стали добывать специальными комбайнами.

Люди от усталости валились с ног. Но стоило только вечером заиграть весёлой гармонии, как к бараку, где жил гармонист, стекалась широкой рекой рабочая молодёжь. Пляски, веселье, частушки продолжались далеко за полночь. На одной такой вечёрке и познакомились Зоя с Виктором. Она, пережившая предательство и обман любимого человека. И он, приехавший из другого района парень, только отслуживший срочную службу три года. Вначале Зоя долго приглядывалась к нему. Не зря русская пословица гласит: «Обжёгся на молоке, дует и на воду». И она осторожничала, душой знала, о чём гласит народная мудрость. Виктор же был парень напористый, даже в чём-то нагловатый. Далеко не сразу у них возникла взаимная симпатия и любовь. События развивались стремительно и неожиданно для них обоих. А началось всё с несчастного случая, который и сблизил Виктора и Зою на всю жизнь.

После обеденного перерыва Зоя перебиралась по краю карьера на другой участок поля, где она должна была трудиться остаток своего рабочего дня. Неожиданно торфяник обрушился в карьер, и девушка оказалась в трясинистой массе, засасывающей её быстро и безнадежно. Волей случая рядом оказался Виктор. Парень бесстрашно кинулся на помощь к истошно кричащей, испуганной женщине. Подобраться близко к Зое он не мог, потому снял с пояса тугой солдатский ремень и бросил ей. Дрожавшими руками Зоя быстро ухватилась за пряжку, и только после третьей попытки Виктору удалось вытянуть её из коварной трясины. К месту происшествия мгновенно сбежались рабочие. Они и помогли молодым людям выбраться из карьера, переодели в сухую одежду и отправили в поселковый медпункт. У Зои нестерпимо ломило плечо, Виктор поранил ногу.

Несколько дней они пробыли на больничных койках. И именно этот несчастный случай, благородный поступок Виктора и его по-мужски скупая забота в больнице и сблизили их окончательно. Зоя была бесконечно благодарна своему спасителю, а Виктор добился её руки и сердца.

Праздники детства.

Жизнь в посёлке Талицы шла своим чередом. Тяжёлые трудовые будни сменялись весёлыми праздниками. В этом посёлке они отмечались по-особенному широко и раздольно. Накануне на клубе появлялась огромная красная звезда. Внутри неё зажигали лампочки, словно на кремлёвских звёздах. На бараках развешивались красочные флаги. На улицах из радиоприёмников гремела бравурная музыка, поднимая настроение уставшему за рабочие будни народу. Если праздник проходил в конце сезона торфодобычи, в торжественной обстановке подводились итоги соцсоревнований. Победившая бригада, облепив паровоз, приезжала в посёлок с вручённым переходящим знаменем, заработанным потом и мозолями, а потому особенно дорогим.

В клубе начинался праздничный концерт, в скромной столовой накрывали большие столы. Праздничный ужин был особенным временем общения жителей Талицы: с песнями, плясками и частушками разворачивалась русская душа и веселилась на славу. Иной раз, бывало, от обильного возлияния праздники заканчивались некрасивыми драками и потасовками. Посёлок то затихал, то взрывался бурными обсуждениями происшествий. Но всё успокаивалось в размеренном ритме будних дней селян. Впечатление же от таких громких, весёлых праздников всегда оставалось позитивным. Приподнятое настроение и душевный порыв долго жил ещё в каждом взрослом и ребёнке, мало что видевшим в этом затерянном в сосновом бору посёлке.

На Троицу, когда окна домов украшали кудрявыми ветками берёз, Талицы погружались в особую, непередаваемую атмосферу. Праздник этот, отмечаемый по христианской традиции на пятидесятый день после Пасхи, народ любил и всегда с неким трепетом отмечал его вопреки запретам советской власти. Почтение и благоговение перед триединым Богом, Отцом, Сыном и Духом Святым, в широкой душе русского народа не смогли вытравить и затоптать никакие запреты и ограничения советской идеологии. Русский человек всегда уповал на помощь Бога, даже если надолго приходилось прятать святое чувство веры во Всемогущего не только от советской власти, но и от своих близких и дальних родственников.

Особенно оставили след в моей памяти и праздники, которые отмечались летом среди молодёжи, приехавшей на заработки из Мордовии. Молодые люди наряжали разноцветными лентами небольшие ёлочки, подвешивали их чудесным образом за макушки к потолку, водили вокруг них дружные хороводы и пели песни на своём родном языке. К праздничным песнопениям и обрядам мужчины не допускались. Этот день детвора посёлка ждала ещё и потому, что по славным обычаям мордовского народа на улицы выходили ряженые и под незнакомые песни на мордовском языке одаривали детей конфетами и пряниками. Шумной толпой мы бегали за ряжеными, считая это действие чрезвычайно забавным. Летний праздник с украшенной ёлочкой нам, детям, чем-то напоминал русский Новый год, и оттого поселковые ребятишки особенно любили этот необычный праздник. Уже тогда, в те бесшабашные дни голодного детства, и зародилась в моей душе заветная мечта: стать организатором больших и весёлых праздников. Мечта моя детская имела совершенно отчётливую и ясную цель: всем сердцем я желал, чтобы было на этой грустной земле больше весёлых и радостных людей. Казалось тогда, что такие позитивные люди способны на всё: и ракету в космос запустить, и всякую профессию освоить, и любые трудности преодолеть. Я и теперь, прожив большую интересную жизнь, в этом искренне убеждён.

Однако самое сильное и самое большое впечатление оставил в моей памяти день, когда весь посёлок праздновал первый полёт человека в космос. Да какого человека! Нашего! 12 апреля 1961 года. Восторженной и ликующей толпой мы, поселковые ребятишки, в едином порыве вывалились из здания школы после объявления учителями радостной вести. Надо же... Юрий Гагарин! Нам всё казалось загадочным и интересным: от этого удивительного имени до легендарного «Поехали!». Мы кричали, бросали в воздух школьные фуражки, и ликовали так, словно первый космонавт в мире был нашим, талицким, родным... Прошло уже много лет с

того замечательного дня, а я до сих пор, возвращаясь в далёкий 1961 год, вновь переживаю и эмоциональный взрыв, и невесть откуда появившийся энтузиазм, и бурный восторг, и полёт фантазии. И эмоции эти ни с чем невозможно сравнить.

Пьянству – бой!

Рабочий сезон на торфопредприятии по обыкновению начинался в мае. С раннего утра, с восходом солнца вставали на работу торфодобытчики. «Торфушки», так называли женщин, которые самоотверженно работали из последних сил, в колоссальном напряжении своих уставших натруженных рук. Эти удивительные люди успевали вести и своё домашнее хозяйство, сажали картофель, обзаводились домашним скотом. Часто получалось, что работать приходилось в две смены: в первую – на торфопредприятии, а после обеда – во вторую, на своём хозяйстве.

Виктор слыл работающим парнем, любящим технику, поэтому его вместе с другими молодыми мужчинами послали на курсы трактористов. Чуть позднее, когда была разработана новая методика добычи торфа, он выучился и на комбайнёра. Мужчин после войны катастрофически не хватало, часто за рычаги тяжёлой техники садились и женщины. Виктор лично обучал свою жену управлять мощной машиной Т-75. Случалось, и застынет в отчаянии Зоя: не всё получалось, как хотелось. Всё-таки не женская это доля – быть трактористом. Но жестокое время требовало всё больше рабочих рук, открывались всё новые торфяные залежи во Мшарове, в Берендееве, в Кубринске.

На женские плечи, помимо тяжёлой работы, ложились и другие хозяйственные заботы: постирать, приготовить обед, обиходить скотину. Много и не перечислить. Всё в их руках спорилось и ладилось. Диву даёшься выдержке и терпению русских женщин!

Первые годы семейной жизни стали для Зои с Виктором счастливым временем. Проблемы начались с появлением их сына Женьки. Тогда яслей в посёлке не было. Моей матери пришлось оставить работу на целых два года для того, чтобы Женька чуточку подрос. Это стало нелёгким испытанием для молодой семьи: на одну зарплату приходилось туговато. Вот потому и приняли столь же нелёгкое решение: старшего сына Сергея опять отправить в деревню к бабушке Пелагее.

В это же самое время произошло событие, потрясшее всю страну: умер Сталин. Естественный ход событий человеческой жизни стал для огромной страны всеобщим горем и глубокой скорбью по ушедшему «отцу народов». В посёлке это известие приняли как личное несчастье: многие искренне оплакивали и вождя, и свою непростую судьбу, и осиротевшую Родину. Многие прощались со сталинской эпохой. Были среди них и те, кого репрессировали в 30-е годы, и кто сумел выйти из этой несправедливой мясорубки истории живыми. Такие, не стесняясь собственных чувств, толи с горечью, толи с радостью говорили: «Слава Богу! Тиран сдох!» Но атмосфера страны всё ещё была пропитана страхом и опасениями. Людей терзала неопределённость: что будет дальше, кто придёт к власти?

В этот переломный исторический период народ словно затих в ожидании больших перемен. И эти перемены не заставили себя ждать. Власть взял в свои руки Никита Хрущёв, потрясший огромную истерзанную войнами, репрессиями и неустройством страну разоблачением «культы личности». И эта дерзость, и смелость нового руководителя одновременно и настораживала, и вселяла хрупкую надежду на скорые изменения. Призрачную веру на долгожданное исцеление целого послевоенного поколения. Все с нетерпением ждали новостей из Москвы и какого-то личного подтверждения своих оправданных надежд на светлое будущее. Несмотря на то, что перемены, обещанные Хрущёвым, приходили в дома советских людей не так скоро, как их ждали, советская страна продолжала жить по своему обыкновению единым народным воодушевлением и энтузиазмом. Мечтой поднять из руин свою великую Родину. Безграничной верой коммунистическим целям, в достижении которых не было в народе ни тени сомнения.

Трудовые будни Талицы шли своим чередом: летом убирался торф, а зимой заготавливали дрова для районной ТЭЦ. Первый директор Купанского торфопредприятия Михаил Васильевич был человеком строгим, с невесть откуда взявшимися барскими замашками. Он и одевался соответственно: кожаное пальто на натуральном меху, большая меховая шапка, на ногах – бурки. Ходил он вальяжно, чуть вперевалочку, смотрел на людей свысока, несколько даже презрительно. Михаил Васильевич считал себя «крупным начальником» и своим определением надолго оттолкнул рабочий народ от себя.

Приехал как-то этот «крупный начальник» на лесозаготовку. В бригаде работало по четыре человека, которые по плану должны были нагрузить пятьдесят семь машин, по пять кубометров дров в каждую. Недолгое время понаблюдав за работой людей, директор раздраженно сказал:

– Плохо работаете, вы должны фабрике давать и давать топливо! Лоботрясы...

Он не успел договорить, как его монолог прервал самый работающий в бригаде парень Николай Привалов:

– А ты попробуй сам здесь поработать без обеда, да с такими нормами выработки!

Директор побагровел от злости, и, погрозив кулаком в изящной замшевой перчатке, заорал:

– Ты что, на десять лет захотел? Я тебе это устрою!

Начальство, поставленное «великой» партией, считало рабочий народ за подневольный, бессловесный скот, который должен был беспрекословно выполнять любые приказы и распоряжения. Именно поэтому решениями социальных задач в обществе мало кто занимался, а если и занимались, то с большими проволочками и опозданиями. Появлялись и столовые, и клуб, прачечная, баня, но тогда, когда жить без нормальных человеческих условий становилось попросту невыносимо. Народ, привыкший преодолевать лишения и трудности, как боец на фронте, стойко и мужественно ждал обещанного нового, светлого мира. Не обустроенный быт и тяжёлые условия труда, безусловно, сказывались на здоровье людей. Многие из рабочих не доживали и до пенсии.

Да, была и ещё одна причина раннего ухода людей в мир иной – пьянство. Любое событие на торфопредприятии заканчивалось шумным пьяным застольем и некрасивыми последствиями на следующее утро. Для многих эта, казавшаяся нормой, дурная традиция оборачивалась алкоголизмом, с которым по партийной и комсомольской линиям велась беспощадная борьба. Такие профилактически-воспитательные работы проводились с рабочими без необходимого постоянства, стихийно, зачастую, когда исправить что-либо было уже поздно.

Вот и Виктор после рождения сына стал частенько употреблять спиртное. Вначале понемногу, вроде как с радости: сын родился! А потом всё больше и больше затягивало его в болото зависимости: то «за компанию», то «с устатку», то с получки, то в праздники. Но работал он усердно. Трудолюбие Виктора поощряли бригадиры, отмечали мастера. Был период некоторого затишья, когда он вообще бросил пить, после пьяного дебоша, где ему в драке порезали разбитой бутылкой ухо. Ухо доктора вернули на свое положенное место, а Виктора, как зачинщика драки, посадили на пятнадцать суток, постановив заплатить крупный штраф. На три месяца семья лишилась почти всех доходов. Если бы не помощь соседей и провизия домашнего хозяйства, пришлось бы совсем туго. Зоя тогда решительно заявила:

– Если не возьмёшься за ум и не прекратишь пить, то уйду от тебя! И сына ты больше не увидишь, понял?! – это заявление жены подействовало на мужа как ушат холодной воды в морозный день.

– Зойка, клянусь – больше ни капли в рот! Только не уходи. Как же я без вас?... – тихо проговорил Виктор осипшим от волнения голосом.

Потом была «проработка» на коллективном собрании, где Виктора долго и мучительно предавали всеобщему осуждению. Но было немало и тех, кто поддерживал работающего, но слабовольного парня:

– А разве он один такой? Сколько их было в драке? Человек семь! А осудили его одного! – высказался в его защиту бригадир Анатолий. Потом добавил:

– Нужно поменьше завозить в магазин алкоголь, тогда и работа, и жизнь будет спокойней! Верно я говорю?

Рабочие закивали в ответ. Авторитетный был товарищ, Анатолий.

– Конечно, верно! Да только государство будет в убытке, ежели сократит продажу водки! – выкрикнул с места тракторист Михеич.

Лет десять после этих событий Виктор избегал всяких застолий. Он рьяно занялся хозяйством, построил сарай, завёл корову и кроликов, косил траву. Пасынок же его жил в это беспокойное время у бабушки, среди внучат, окружённых её заботой, любовью и теплом.

Пожары на болотах.

Тот памятный год стал очередным непростым испытанием для всех обитателей торфопредприятий. За все лето, с июня по август, дождь шёл всего два раза. Температура воздуха в полдень поднималась до 35 градусов. И торфяники, дрогнув под палящим солнцем, начали гореть. На тушении пожаров были задействованы войска, местное население, старшеклассники, пожарные из районного центра, рабочие. Только потушат очаг возгорания в одном месте, как он с новой силой уже бушует в другом. Самое опасное и коварное в таких пожарах то, что торф может гореть или тлеть глубоко под землёй. Как будто кто-то в аду растопил свои котлы для наказания грешников, а пламя с бешеной силой вырывалось наружу и пожирало всё, что попадалось на его пути.

Стихия бушевала более двух месяцев. Народные депутаты ходили по домам и агитировали семьи на тушение пожаров. Днём, когда торфяники всё больше разгорались под жаром летнего солнца, воздух пропитывался тяжёлым смогом. Дышать становилось всё труднее из-за сильного задымления. Серая вонючая гарь, как туман в безветренную погоду, накрывал лес, посёлки, болота. Рассеивался ближе к ночи, когда жара спадала и появлялась небольшая надежда на свежий ветерок, относивший этот дым подальше от домов и барачных посёлка.

Пожар показал свою разрушающую силу Зое и Виктору, когда они были на работе. На их глазах под землю неожиданно быстро ушёл трактор, под которым выгорела торфяная масса. Напуганные не на шутку они отбежали от места провала, как вдруг увидели подъезжающий к ним трактор с цистерной питьевой воды. Никогда Зоя и Виктор так не радовались простой воде. Этой живительной влагой супруги сначала облились сами, а потом вёдрами стали быстро заливать очаг, поглотивший трактор. Пламя на короткое время затухало, а потом с новой силой опять начинало свою проклятую работу, уничтожающую всё на его пути.

Подъехала ещё одна машина с бригадой рабочих и бочкой воды. Очаг возгорания тушили все дружно и слаженно: кто сбивал огонь ветками, кто куртками. Одни подносили вёдрами воду, другие беспрерывно поливали. Загорался лес, кустарник, старые выкорчеванные пеньки. На одном из трактористов загорелся промасленный комбинезон. Его тут же облили водой, переодели сменную одежду и отправили в больницу: от огня сильно пострадали левая рука и лицо.

К месту происшествия вовремя подоспели военные, развернувшись широкой шеренгой, пошли «в атаку» на огонь, который захватывал всё новые участки. Разбушевавшейся стихии помогал ветер, мгновенно разнося пламя по верхушкам деревьев. Прибыло руководство предприятия и две пожарные машины из райцентра. Люди, тушившие пожар несколько часов, валились с ног от усталости и отравления едким дымом. Новый директор торфопредприятия, Игорь Сергеевич, срочно собрал бригадиров, командиров подразделений на «летучку», расспросил

каждого о положении дел на участках, дал каждому задания, записав их просьбы в толстую потрёпанную тетрадь.

После окончания «летучки» директор подозвал к себе бригадира Анатолия:

– Послушай, Анатолий, – обратился он к мужчине. – Я привёз вам пилы, топоры, веревки.

Бригадир не сразу понял, к чему клонит директор.

– Нужно срочно собрать вторую и третью бригады, – продолжал руководитель, – и направить их на двенадцатый карьер для прорубки просеки. Военные уже начали это дело. Я направил туда бульдозер и два трактора.

– Понял вас, Игорь Сергеевич, только где же я найду столько людей? – спросил Анатолий.

– Людей мы тебе привезём из города, – перебил директор. – Нужно оперативно тушить, а также просекой обезопасить от огня посёлок, – сказал он и указал рукой в сторону машины, где находились пилы и топоры. Анатолий быстро раздал своей бригаде инструмент и направил людей на участок для вырубki просеки. Тут подоспела и машина из города, которая привезла рабочих со смежного предприятия. Образовалось три новых бригады, которые Анатолий повёл на вырубку.

Там полным ходом уже шла работа: кто валил лес, кто обрубал сучки, кто стаскивал их в большую кучу. К вечеру ветер сменил направление и стал дуть от просеки к месту возгорания. По этой причине решено было организовать встречный пожар по ветру, чтобы огонь уничтожил огонь. Сваленный в кучи еловый лапник и ветки берёз дружно вспыхнули, и пламя, подхваченное попутным ветром, пошло на «братание со своим братом».

Люди, уставшие, голодные, перепачканные, но довольные, отошли на сотню метров от огненной стихии. Неожиданно раздался мощный взрыв, поднявший в воздух столб огня, корней, торфа и веток. Оказалось, что в лесу на месте «стыковки» двух огней стояла бочка с соляркой, она и рванула. Это узнали позднее, когда прошёл долгожданный дождь и усмирил разыгравшуюся стихию. Впоследствии начальство и следователи из района пытались выяснить причину, по которой бочка с соляркой оказалась в лесу. Но эта тайна так и не была раскрыта.

Стемнело, людей начали развозить по домам. После дождя закопчённое небо немного прояснилось, и выглянул месяц, как бы интересуюсь: как там, у людей, дела? Справляются ли они со стихией?

После непродолжительного, но обильного ливня пожары на пару недель затихли, но сушь и высокая температура воздуха днём всё вернули «на круги своя»... Жители посёлка сидели на узлах, в которых было самое необходимое на первое время: документы, одежда, посуда... Все ждали: чем же это закончится? Мучительная, невыносимая жара, духота от постоянного дыма, неопределённость в судьбе каждой семьи и всего торфопредприятия за два месяца превратили людей в вялых, безразличных ко всему происходящему, лишенных всякой воли призраков. И конца этому было не видно.

Нежданно-негаданно объявился помочь один искренне верующий христианин, рабочий Василий Буянов. Взяв в руки икону «Неопалимая Купина», помолвившись, рано утром мужчина вышел на улицу. Народ смотрел на верующий поход Василия из окон домов и участков с удивлением, недоверием, а кто-то с нескрываемой иронией. Но человек Божий ни на кого не обращал внимания. Он шёл быстрым шагом, держа икону перед собой, немного торжественно и даже как-то отрешённо, не реагируя ни на выкрики в свой адрес, ни на вопросы, ни на замечания. У дома лесника Василий остановился и попросил у хозяина стакан воды. Тот вынес воду и спросил:

– Думаешь, поможет твоя затея с иконой? Мы второй месяц бьёмся, а результат нулевой.

Василий поблагодарил за воду, обтерев рукавом рот, и произнёс:

– Вера в Господа, вот что нам поможет! Безверие уже принесло много бед народу... Ну, ладно, некогда мне с тобой спорить... Пойду я с Богом!

Бережно прижав к себе икону, перекрестившись, он вновь пошагал дальше, и шаг его всё больше становился уверенней и значимей.

Едкий дым резал глаза, становилось трудно дышать, но Василий шёл своим крестным ходом, закрывая грудь иконой, словно щитом. В этом его порыве было что-то символическое и даже мистическое. Человек шёл с иконой через дым, гарь, копоть, через людское неверие, насмешки, иронию, движимый одной только верою в Бога, который поможет, как это случилось не раз в истории...

Василия обогнала группа рабочих, шедших на тушение пожара с вёдрами, лопатами. Один из них крикнул:

– Эй ты, блаженный, давай, с нами пойдем! Пользы больше будет!..

Василий, стиснув зубы и подняв выше икону, шёл дальше, не отвечая на вызов. Им двигало не только страстное желание спасти посёлок и лес от большой беды, но и надежда своим примером обратить людей к вере в Бога.

За три часа Василий обошел большой лесной массив, отгородивший посёлок от пламени, бушевавшего на торфяниках. Затем он повернул на просеку, прорубленную для линии электропередач. По ней уже дважды прошли трактора, пропахав землю, чтобы огонь не смог перекинуться по траве ближе к посёлку. Жители посёлка замерли в ожидании чуда! И, о Боже, оно свершилось: к вечеру ветер сменил направление, на небе появились кучевые облака. Сверкнула молния, и ударил такой силы гром, что в окнах зазвенели стекла! Пошёл сильнейший дождь, второй за целое лето. Шёл всю ночь, а утром умытая спасительной божественной влагой природа ожила, расцветая всей своей красотой и великолепием. Как будто больной, которого после тяжёлой операции впервые вывели на улицу, рабочий посёлок никак не мог насладиться свежим воздухом, зеленью и своим чудесным воскресением.

9. Свадьба.

В жизни каждого человека должны состояться три важнейших события: рождение, свадьба и смерть. Не зря же у всех народов эти события отмечаются ежегодно.

У старшего сына Зои Сергея свадьбу гуляли в поселке Талицы, по-русски широко, весело и событийно. Время было непростое, поэтому возможности снять кафе или столовую отгулять свадьбу не имелось. Торжественное событие организовали прямо в бараке, куда съехались гости из Ярославля, Углича, Переславля, Латвии и Грузии. Среди приглашённых были художники и музыканты, с которыми Сергей познакомился в общежитии в Ярославле. Студенты художественного училища украсили своими талантами скромный праздник. Музыкальное сопровождение свадебной церемонии организовали студенты училища культуры, сокурсники молодожёнов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.